

Китай и ЕАЭС: динамика трансграничного движения товаров и будущее евразийской интеграции

ЗУЕНКО Иван Юрьевич –
сотрудник Центра Азиатско-
Тихоокеанских исследований.
ivanzuwei@gmail.com.

ZUENKO I. Yu. – Center for Asian
and Pacific Studies officer.

ЗУБАНЬ Семён Викторович –
главный специалист-эксперт.
zuban.semyon@gmail.com.

ZUBAN S. V. – leading specialist-
expert.

Статья посвящена изучению динамики трансграничного движения товаров между Китаем и единым таможенным пространством государств ЕАЭС. На основе анализа статистики ВЭД авторами делается вывод о наличии целого ряда «побочных эффектов» интеграции в рамках ЕАЭС, когда решение стратегически важных геополитических задач осуществляется за счет игнорирования рисков и вызовов для экономической безопасности отдельных стран, в том числе России. Авторы полагают, что дальнейшее развитие евразийской интеграции, подразумевающее взаимодействие в рамках концепций ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, невозможно без выравнивания уровня институционального развития интегрируемых государств, а также совершенствования подходов к регулированию трансграничного движения товаров, ресурсов и капитала.

Ключевые слова: интеграция, Евразия, Центральная Азия, ЕАЭС, Китай, Новый Шелковый путь, внешнеэкономическая деятельность.

I. Yu. ZUENKO, S. V. ZUBAN

**China and Eurasian Economic Union:
dynamics of cross-border commodities flow
and the future of Eurasian integration**

* Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 89, Pushkinskaya street, Vladivostok, 690001, Russian Federation.

** Представительство таможенной службы Российской Федерации в Республике Казахстан. 010000, г. Астана, ул. Ауэзова, 34 (116).

Representative office of the Federal Customs Service in Kazakhstan Republic. 34 (116) Auezova Street, Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.

¹ Раздел статьи «Изменения в движении потоков китайских товаров в ЕАЭС» подготовлен при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда и Шанхайской академии общественных наук № 16-27-22001. Раздел статьи «Выигравшие и проигравшие» выполнен в рамках государственного задания ИИАЭ ДВО РАН № 01201152976.

The article is dedicated to research dynamics of cross-border flow of commodities between China and customs territory of EAEU. According to analysis of trade statistics and official materials of EAEU, the authors conclude that achieving of important geopolitical targets was associated with several risks and challenges for economics of EAEU countries as a side-effect. The authors consider that further development of Eurasian integration on the framework of EAEU as well as pro-Chinese New Silk Road concept is impossible without levelling-off institutions development in integrating nations and developing approaches to regulation of cross-border flow of commodities, resources and capital.

Keywords: integration, Eurasia, Central Asia, EAEU, China, New Silk Road, foreign trade.

Второе десятилетие XXI в. стало временем сосуществования и развития двух разнонаправленных тенденций в системе международных отношений. С одной стороны, наблюдается общественный запрос на «восстановление местной идентичности, которая подорвана растворением национального политического, культурного и экономического суверенитета в общемировом» [1]. Это сделало актуальной консервативную и даже националистическую повестку, что привело к власти во многих странах политических деятелей, апеллирующих к прямой опоре на нацию, без посредничества глобализованной элиты, которые ранее, во второй половине XX в., воспринимались бы как маргинальные [1]. Вкупе с решением о выходе Великобритании из ЕС это составило вызовы, с которыми неолиберальная модель глобализации не сталкивалась с момента крушения биполярной системы мира, охарактеризованного Ф. Фукуямой как «конец истории».

С другой стороны, идеи наднациональной интеграции, ранее успешно апробированные лишь в Западной Европе, по инерции продолжают определять внешнеполитическую повестку большинства стран мира. В этом же контексте нами рассматривается инициатива Пекина по созданию Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), выдвинутая Си Цзиньпином в 2013 г.

Амбициозность данной инициативы, подкрепленной китайским капиталом и распространяемой на обширные пространства Евразии, включая страны постсоветского пространства, стимулировала выработку схожих стратегий со стороны ведущих региональных держав, в том числе России.

Для этого был использован процесс интеграции республик бывшего Советского Союза, осуществляемый под эгидой ЕврАзЭС (2000–2014 гг.), Таможенного союза (2007–2014 гг.) и в конечном итоге Евразийского экономического союза (ЕАЭС)². Руководство России дало понять, что не собирается замыкаться в узких рамках, и вслед за Китаем выдвинуло свою «глобальную концепцию»

² ЕАЭС в составе России, Белоруссии и Казахстана официально существует с 1 января 2015 г. К Союзу 2 января того же года присоединилась Армения, 12 августа – Киргизия.

(Большая Евразия – от Лиссабона до Владивостока), о которой заявил на XX Петербургском экономическом форуме в июне 2016 г. В. В. Путин [16].

Очевидное «пересечение» интеграционных проектов России и Китая поставило вопрос об их соперничестве или же взаимодействии («сопряжении»). В результате договоренностей между лидерами этих стран было принято принципиальное решение о том, что указанные интеграционные стратегии должны дополнять друг друга с перспективой взаимной интеграции. Заверения в перспективности подобного подхода стали общим местом в выступлениях российских и китайских официальных лиц и экспертов [2; 6, с. 7, 82; 8; 13, с. 36–37; 15, с. 7].

В то же время до сих пор не определены конечные цели «сопряжения», а также алгоритм их достижения [13, с. 226]. Отчасти это объясняется тем, что «сопрягать» предлагается совершенно разные по своей сути явления: ЕАЭС представляет собой формализованную структуру, имеющую четкий состав, нормативную базу и систему наднациональных органов; что касается ЭПШП, то даже китайская сторона предпочитает использовать для его обозначения термин «инициатива» (倡议), а не какой-либо иной, предполагающий четкую, формализованную программу действий³.

Как отмечает А. Г. Ларин, «экономическую суть концепции Нового Шелкового пути составляет экспорт китайского капитала (в том числе в виде технологий, оборудования, рабочей силы и т. д.) ... уберите китайские инвестиции, и от Шелкового пути ничего не останется» [7, с. 140]. Иначе говоря, под ЭПШП следует понимать некую философию соразвития, перспективы реализации которой связаны с надеждами одной стороны (Китая) выгодно экспортировать имеющийся капитал, а остальных – выгодно его привлечь. Таким образом, именно Китай (и только Китай!) выступает реальным субъектом реализации концепции, и, говоря о «сопряжении» ЕАЭС и ЭПШП, мы фактически говорим об интеграции уже функционирующей платформы ЕАЭС и Китая. А будущее «сопряжения», надо полагать, заключается в «стирании» границы между КНР и странами ЕАЭС⁴ в части движения товаров, услуг, людей и капитала.

Что же подразумевается под интеграцией? Большая часть соответствующих теорий опирается на опыт ЕС. Согласно ему начальной стадией экономического и политического объединения государств является снижение или отмена таможенных пошлин на ввозимые товары (создание преференциальной зоны или зоны свободной торговли). За этим следует создание таможенного союза (отмена ограничений на торговлю для членов союза, проведение общей внешнеторговой политики в отношении третьих стран, включая установление общего внешнего

³ См.: Стандарты перевода на английский язык инициативы «Один пояс, один путь» для Государственного комитета по развитию и реформе и прочих соответствующих ведомств = 国家发展改革委等有关部门规范“一带一路”倡议英文译法. URL: http://xbkfs.ndrc.gov.cn/gzdt/201509/t20150921_751694.html (дата обращения 09.03.2017).

⁴ Сейчас она затрагивает три страны Союза (Россия, Казахстан и Кыргызстан) и превышает 6 000 км.

тарифа), после чего отменяются ограничения на свободное перемещение капитала и труда (единое экономическое пространство), а кульминацией становится создание валютного союза [19]. И хотя многими учеными отмечается ограниченность понимания интеграции, исходящего только из опыта Западной Европы [См.: 11; 18], в основе дорожной карты развития ЕАЭС лежит копирование алгоритма, апробированного в ЕС [10].

Насколько реально движение по пути интеграции ЕАЭС и КНР? Для ответа на этот вопрос необходимо учитывать целый ряд факторов, как способствующих, так и препятствующих интеграции.

К первой группе можно отнести заинтересованность стран ЕАЭС в привлечении китайского капитала. Взаимодействие с мощной китайской экономикой несет выгоду странам постсоветского пространства. (Даже простое увеличение объемов транзитных потоков грузов из Китая в Европу, искусственно стимулируемое КНР [5], оказывает позитивное воздействие на экономику стран, через которые проходят транспортные коридоры, и заставляет бороться за прохождение этих потоков именно через их территории).

Ко второй группе относятся факторы, связанные с упомянутым в начале статьи противоречием в современных международных отношениях. Так, во всех странах ЕАЭС (за исключением, с оговорками, Казахстана) сильно влияние неоконсервативных сил, придерживающихся идеологии национального возрождения с опорой на собственные силы и стремящихся не допустить существенного сокращения суверенитета. К этому добавляются и другие субъективные факторы: характерное для стран Центральной Азии недоверие к Китаю, боязнь демографического и культурного поглощения, имеющего прецеденты в прошлом (уйгуры, джунгары и др.). Важнейший фактор, на значение которого указывают многие исследователи теории интеграции, – наличие общей истории и близкого культурного кода [18, с. 40] – играет в пользу России, но не может помочь интеграции с Китаем.

Данная статья не претендует на анализ всех указанных выше факторов, равно как и обнаружение новых. Авторы видят свою задачу в том, чтобы исследовать динамику уже имеющих изменений в движении товаров через границу КНР со странами – членами ЕАЭС и на основании результатов ответить на вопросы: в чем заключаются эти изменения, какой оказалась реакция на них национальных правительств и какие вызовы для интересов членов ЕАЭС они несут.

Анализ проблемных мест поможет определить, насколько успешна интеграция в существующем формате (ЕАЭС) с точки зрения заявленных целей и каковы перспективы дальнейшей интеграции в рамках «Большой Евразии».

Поставленной цели соответствует выбор в качестве объекта исследования трансграничного перемещения товаров из Китая в единое таможенное пространство ЕАЭС. Чем оно характеризуется?

Во-первых, только часть товаров ввозится из Китая в страны ЕАЭС сухопутными транспортными маршрутами: железнодорожными и автомобильными

(о существующих маршрутах подробно в работе [13, с. 58-83]). По-прежнему значительная доля грузов перевозится морем и проходит таможенное оформление в портах Балтийского (Санкт-Петербург, Усть-Луга) и Черного (Новороссийск) морей. Также определенная часть грузов перевозится авиатранспортом.

Во-вторых, товары, перемещаемые сухопутным транспортом, только отчасти предназначены для потребления в тех странах и регионах, через границы которых они попадают на территорию ЕАЭС. Основным потребителем китайских товаров в ЕАЭС является Россия (прежде всего, ее европейская часть), кроме того, значительная часть китайских грузов в конечном итоге предназначена для европейского рынка⁵. Тенденции к смещению потоков китайских грузов для европейского рынка через территорию ЕАЭС с Восточной России на Казахстан (с дальнейшим выходом на железнодорожную инфраструктуру Европейской России) рассматривались авторами в работе [4]. В рамках настоящей статьи в центре внимания находятся изменения, произошедшие в движении китайских товаров через Россию и Казахстан. Во-первых, накоплен достаточный опыт функционирования единого таможенного пространства между Россией и Казахстаном (более пяти лет). Во-вторых, доступны данные по внешней торговле и таможенная статистика Казахстана, которую можно сравнить с аналогичными данными России и КНР. Основные тенденции предположительно повторяются и в свете вступления в ЕАЭС Киргизии⁶ [См.: 3; 12], при этом недостаточная длительность наблюдений не позволяет нам включить эту страну в анализ в полном объеме, хотя расчет убытков консолидированного бюджета ЕАЭС и некоторых других показателей произведен с учетом данных по Киргизии.

Отметим, что при рассмотрении внешней торговли особое внимание уделялось таким товарам народного потребления, как одежда, предметы одежды и обувь, в отношении которых установлены относительно высокие ставки ввозных таможенных пошлин (налогоемкие товары) и которые относятся к товарам с повышенным риском нелегального перемещения.

Для фиксации изменений нами использовался метод сравнительного анализа статистических данных, доступных в открытых источниках. Это позволило не только установить динамику, но и выявить несоответствия в статданных разных стран, что послужило основанием для вывода о наличии «серых схем» провозки и декларирования товаров, составляющих негативный эффект функционирования ЕАЭС.

⁵ Создание ЕАЭС, устранившее таможенные барьеры на пути движения товара из Китая в Европу от китайско-казахстанской (или российской) до белорусско-польской границы значительно упростило логистику и является, таким образом, важным конкурентным преимуществом транзита через ЕАЭС по сравнению с другими маршрутами трансконтинентального транзита китайских товаров (через Пакистан, Иран, Турцию, страны Южного Кавказа и т.д.).

⁶ Этому же вопросу посвящена статья И.Ю. Зуенко «Евразийская брешь: кто выиграл от вступления Киргизии в ЕАЭС». URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64998> (дата обращения 03.03.17).

Данное обстоятельство позволило поставить вопрос о соответствии имеющихся результатов евразийской интеграции заявленным целям, для установления которых нами использовался анализ программных документов ЕЭК, а также выступления лидеров интеграционных процессов на постсоветском пространстве В. Пугина, Н. Назарбаева, А. Лукашенко.

Содержательная часть работы состоит из двух разделов, первый из которых посвящен анализу изменений в движении потоков китайских товаров в ЕАЭС, а второй – анализу выгод и рисков, вызванных этими изменениями.

Изменения в движении потоков китайских товаров в ЕАЭС. Итак, в ходе проведенного анализа нами установлено, что с момента образования Таможенного союза объем китайских грузов, ввозимых в Россию и Казахстан в период с 2011 г., когда был отменен таможенный контроль между РФ и Казахстаном, по 2013 г., когда объемы торговли с Китаем находились на пике⁷, увеличился на 15,8 % (8,4 млрд долл. США).

Примечательно, что темпы роста импорта китайских товаров в Казахстане заметно превышали российские показатели (табл. 1; рис. 1)⁸.

Другой заслуживающий внимания момент – темпы роста ввоза товаров из Китая в Казахстан опережают темпы роста импорта из других стран⁹, а доля китайских товаров в структуре импорта возросла с 27,3 % в 2011 г. до 32 % по итогам 2013 г. (таблицы 2, 3; рис. 2).

Таблица 1

Объемы импорта Казахстана и России из Китая в 2008–2015 гг., млрд долл. США

Страна	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Казахстан	4,6	3,6	4,0	4,9	7,4	8,4	7,4	5,1
Россия	34,7	22,8	39,0	48,3	51,8	53,2	50,9	34,9
Всего	39,3	26,4	42,9	53,2	59,2	61,6	58,2	40,0

⁷ В 2014–2015 гг. наблюдалось снижение объемов импорта китайских товаров в связи с падением рубля и тенге и, как следствие, снижением покупательной способности населения.

⁸ Данные, приведенные во всех таблицах и рисунках настоящей статьи, рассчитаны по: http://customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095; <http://www.stat.customs.ru>; http://kgd.gov.kz/ru/exp_trade_files; <http://kgd.gov.kz/ru/content/fakticheskie-postupleniya-po-nalogam-i-platezham-v-gosudarstvennyy-byudzhet-za-2002-2016-gg>; <http://www.haiguan.info>; http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts; http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level; http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/wholesale; http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/transport; https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics.aspx; <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov-federalnyj-byudzhet>; http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNationalAccountIntegrated; http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersLivingStandart; http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersDomesticTrade; http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersTransport; <http://nationalbank.kz/?docid=1580&switch=russian>; http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/default.aspx.

⁹ Здесь и далее учитывается импорт из стран дальнего зарубежья (без учета торговли со странами СНГ и ЕАЭС).

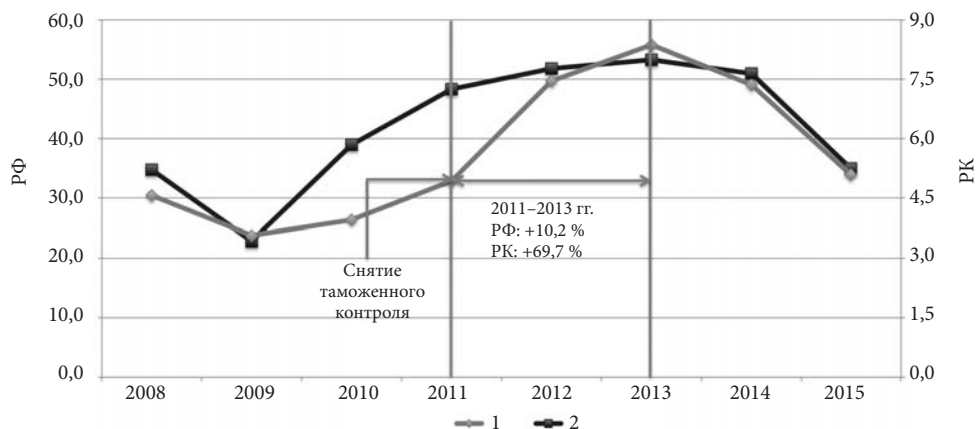

Рис. 1. Темпы импорта китайских товаров в Казахстане (1) и России (2), млрд долл. США

Таблица 2

Объемы импорта Казахстана, млрд долл. США

Страны и регионы	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
ЕС	8,6	7,8	7,3	7,3	8,0	9,1	8,6	6,9
КНР	4,6	3,6	4,0	4,9	7,4	8,4	7,4	5,1
Остальные страны	7,2	5,0	5,0	5,8	7,5	8,7	7,8	5,5

Таблица 3

Доля КНР в структуре импорта Казахстана, %

Страны и регионы	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
ЕС	42,1	47,6	44,9	40,6	35,1	34,7	36,3	39,3
КНР	22,4	21,8	24,5	27,3	32,4	32,0	31,0	29,1
Остальные страны	35,5	30,5	30,6	32,1	32,5	33,3	32,7	31,6

Особо заметно увеличение поставок китайской одежды и обуви (налогоемых товаров), темпы роста которых в разы превышают темпы роста импорта других товаров. Так, поставки кожаных изделий и одежды в период с 2011 по 2013 г. увеличились в 4 раза, обуви – в 3,5 раза, готовых текстильных изделий – в 2 раза. В то же время поставки указанной продукции в Россию в аналогичный период выросли всего на 6,9 % (таблицы 4, 5; рис. 3).

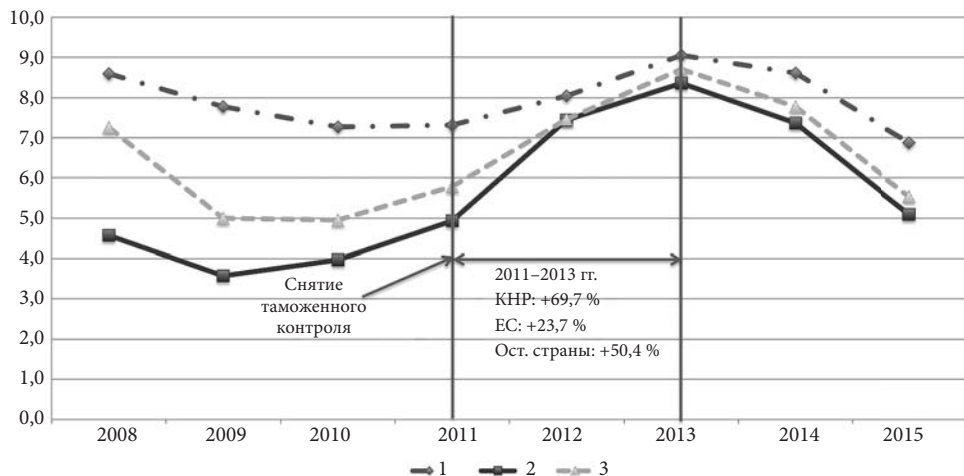

Рис. 2. Темпы импорта товаров в Казахстане из отдельных стран и регионов, млрд долл. США: 1 - ЕС, 2 - КНР, 3 - остальные страны

Таблица 4

Импорт Казахстаном отдельных товаров из Китая, млн долл. США

Товарная группа ТН ВЭД*	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
42	13,3	12,0	15,0	23,4	47,7	93,1	79,1	52,4
61	16,7	17,0	24,7	41,2	113,7	215,8	185,2	71,9
62	22,5	24,3	35,2	63,0	176,7	204,9	214,5	78,1
63	29,4	14,3	19,0	28,8	61,7	60,4	69,8	43,9
64	17,0	12,3	20,2	104,1	225,5	380,7	461,4	204,1
Всего	100,9	81,9	116,1	262,4	627,4	957,0	1 012,0	452,4

*Здесь и в табл. 5 расшифровка товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД): <http://issa.ru/tnvd/>.

Таблица 5

Импорт Россией отдельных товаров из Китая, млн долл. США

Товарная группа ТН ВЭД	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
42	407,8	343,2	569,4	652,9	685,2	753,5	601,5	362,9
61	911,8	800,9	1 294,6	1 583,2	1 564,1	1 787,9	1 610,0	969,1

Окончание табл. 5

Товарная группа ТН ВЭД	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
62	1 284,0	1 121,5	1 702,4	1 880,8	1 682,8	1 998,1	1 967,6	1 250,5
63	326,6	280,6	358,0	422,9	516,4	468,3	412,4	282,1
64	2 091,9	1 564,1	2 935,3	2 781,2	2 734,9	2 816,3	2 069,8	1 307,9
Всего	5 024,2	4 112,4	6 861,7	7 323,1	7 185,4	7 826,1	6 663,3	4 174,5

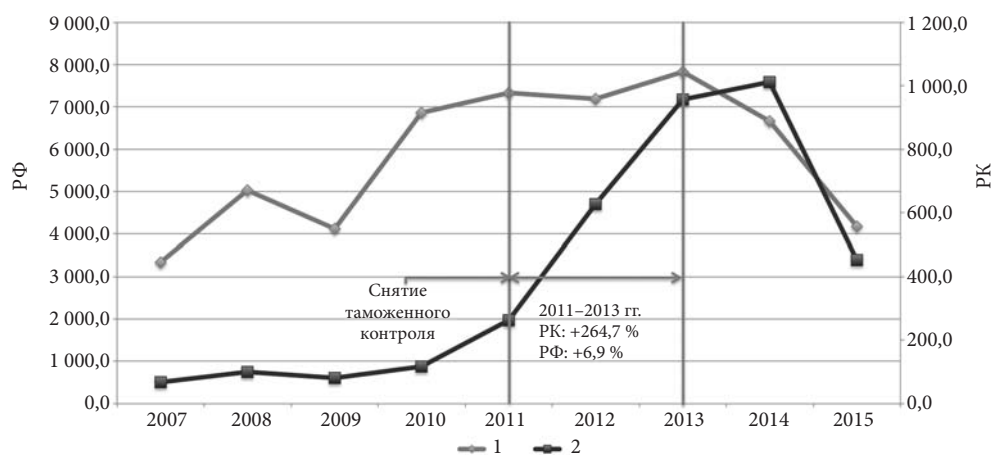

Рис. 3. Темпы импорта отдельных товаров из Китая в России (1) и Казахстане (2), млн долл. США

Также выявлена зависимость динамики торговли Казахстана с КНР от состояния экономики России (!). Особенно явно она проявилась в первом квартале 2015 г., когда после резкого снижения курса рубля в конце 2014 г. объемы импорта товаров РФ и величина потребительского спроса также резко сократились. Объемы импорта товаров в Казахстан несмотря на отсутствие схожих явлений в экономике (курс тенге¹⁰ и спрос) тоже резко упали вслед за российскими (табл. 6).

Хорошо заметен рост темпов сбора ввозных таможенных пошлин (ВТП) в Казахстане по сравнению с темпами роста внешней торговли. Это свидетельствует об увеличении доли налогооблагаемых товаров в структуре импорта (рис. 4).

Примечательно, что это происходило на фоне замедления, а затем и снижения сбора ВТП в Российской Федерации (рис. 5).

¹⁰ Курс тенге также резко обрушился 20 августа 2015 г. после отмены валютного коридора (за один день курс тенге относительно доллара США упал на 35 %), однако в течение нескольких месяцев (с декабря 2014 г.) курс рубля упал относительно тенге в полтора раза.

Проще говоря, в последние годы мы наблюдаем стойкую тенденцию к росту объемов ввоза китайских грузов в Казахстан, при том что эти объемы заметно превышают потребности местного рынка.

Таблица 6

**Сравнение отдельных показателей экономической активности
в России и Казахстане в первых полугодиях 2014 и 2015 гг.**

Показатель	Изменение в I квартале 2015 г. к I кварталу 2014 г., %	
	Россия	Казахстан
Индекс физического объема ВВП	-2,8	1,2
Реальные доходы населения	-1,9	1,2
Оборот оптовой торговли	-9,9	2,9
Оборот розничной торговли непродовольственными товарами	-7,1	5,5
Грузооборот, всего	-1,6	-2,3
Изменение курса нац. валюты к долл. США	-43,8	-7,8
Импорт	-37,5	-15,2
Импорт из КНР	-29,4	-13,7
Импорт одежды и обуви из КНР	-36,2	-33,1

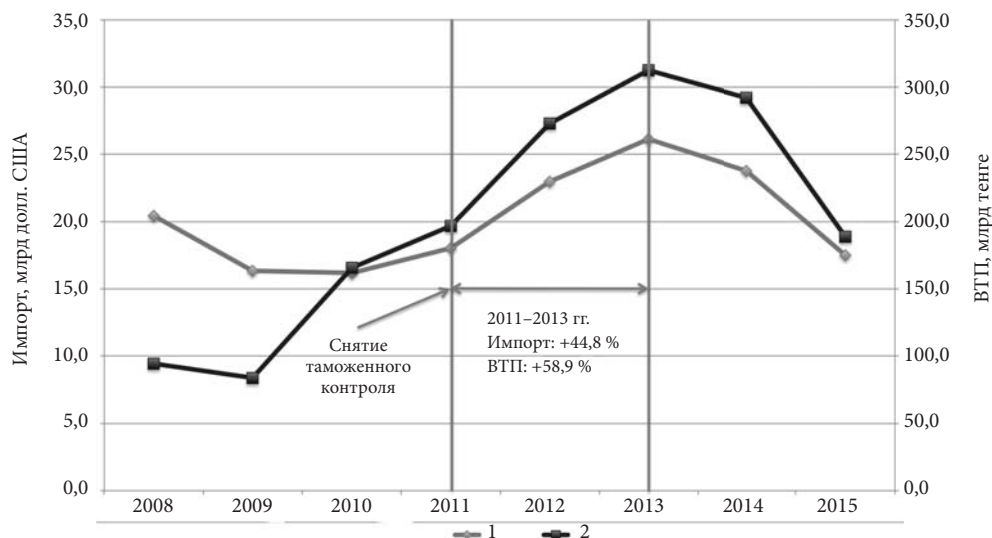

Рис. 4. Сравнение темпов роста импорта (1) и сборов ВТП (2) в Казахстане

Так, объемы ввоза китайской одежды и обуви в две центральноазиатские республики (Казахстан и Киргизия) с общим населением 23,5 млн чел. сравнимы (!) с объемами ввоза этих же товаров в Россию, несмотря на то что население России в шесть раз больше (рис. 6).

Например, по итогам 2016 г. по данным китайской таможни в Казахстан и Киргизию было экспортировано китайской одежды и обуви на сумму более 7 млрд долл. США (в Киргизию – 3,8, Казахстан – 3,3 млрд долл. США), а в Россию – 6,7 млрд долл. США (табл. 7).

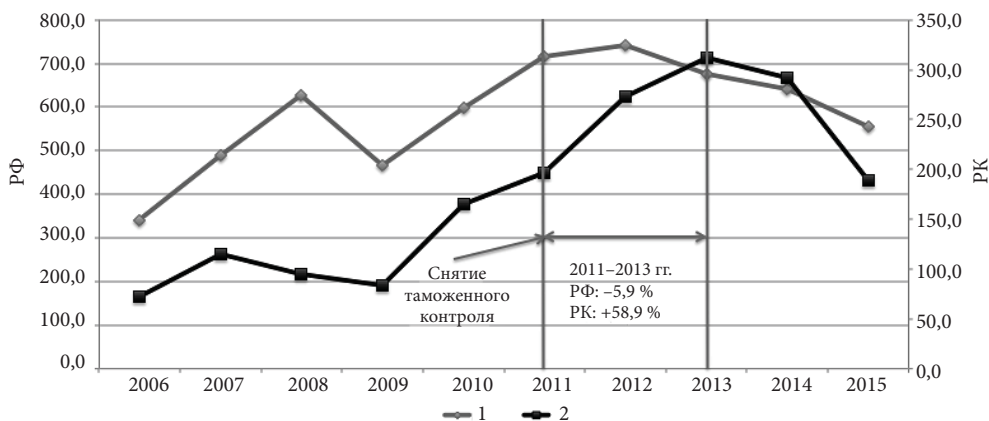

Рис. 5. Темпы сбора ВТП: 1- Россия, млрд руб., 2 - Казахстан, млрд тенге

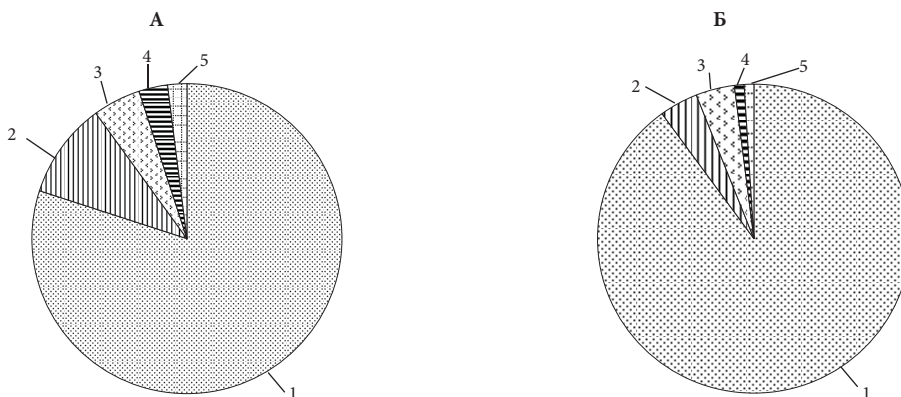

Рис. 6. Страны ЕАЭС: А – по численности населения (млн чел./%), 1 – Россия (146,3/80), 2 – Казахстан (17,4/10), 3 – Белоруссия (9,5/5), 4 – Киргизия (5,9/3), 5 – Армения (3,0/2); Б – по обороту розничной торговли в 2016 г. (млрд долл. США/%), 1 – Россия (420,6/90), 2 – Казахстан (20,4/4), 3 – Белоруссия (18,1/4), 4 – Киргизия (4,4/1), 5 – Армения (2,7/1)

Как мы видим, данные за 2015 г. по сравнению с данными за 2014 г. зафиксировали значительное падение объемов ввоза китайской продукции в Россию

и Казахстан, однако для Киргизии оно было не столь велико, т. е. доля этой страны в торговле указанными товарами увеличилась. Это связано с членством Киргизии в ЕАЭС (с 12 августа 2015 г.) и все с той же тенденцией к перенаправлению потоков китайской продукции в страну, более «комфортную» для отправителей грузов. Так, по данным forbes.kz в первом полугодии 2016 г. объем китайских грузов, ввезенных транзитом через Казахстан для оформления на киргизской таможне, составил 40,5 тыс. т, что в 52 раза больше, чем за тот же период в 2015 г., до вступления Киргизии в ЕАЭС [3]. В каком-то смысле страны вернулись к ситуации, которая наблюдалась до образования в 2011 г. единого таможенного пространства между Россией, Беларуссией и Казахстаном, когда именно Киргизия была главным транзитным хабом, через который на рынки стран СНГ шел китайский ширпотреб.

Таблица 7

Экспорт КНР одежды, обуви и кожаных изделий в Россию, Казахстан и Киргизию, млн долл. США (по данным КНР)

Страна	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Россия	12 567,5	7 835,8	6 743,7
Казахстан	5 636,6	2 887,8	3 267,2
Киргизия	2 966,9	2 370,1	3 756,9

Выигравшие и проигравшие. Анализ сложившейся ситуации позволяет сделать вывод, что основной причиной увеличения импорта китайских товаров через казахстанский и киргизский участки таможенной границы Союза является низкое качество таможенного администрирования, сложившееся в указанных странах. Иначе говоря, организации нелегальных схем ввоза товаров. Доказательством этому является сопоставление данных таможенной статистики внешней торговли Китая с Россией, Казахстаном и Киргизией (рис. 7, А). Особенно заметны различия при сравнении данных для налогооблагаемых товаров (рис. 7, Б).

Столь значительные расхождения в данных таможенной статистики, в особенности в отношении налогооблагаемых товаров, свидетельствуют о широком распространении нелегальных схем перемещения товаров из Китая в Казахстан и Киргизию по причине более низкого по сравнению с Россией уровня таможенного администрирования. При этом исходя из приведенных данных схожие проблемы характерны и для России, но в гораздо меньшей степени.

На основании статданных можно предположить, что одной из применяемых схем является занижение таможенной стоимости¹¹ при таможенном оформлении

¹¹ Таможенная стоимость является базой для начисления таможенных пошлин.

товаров в Казахстане и Киргизии. Этот вывод делается в результате сравнения данных российской и казахстанской таможен¹² (табл. 8; рис. 8).

Таким образом, создание общего рынка и снятие таможенного контроля в условиях, когда страны ЕАЭС имеют разные уровни развития государственных институтов, создало для отдельных государств определенные преимущества.

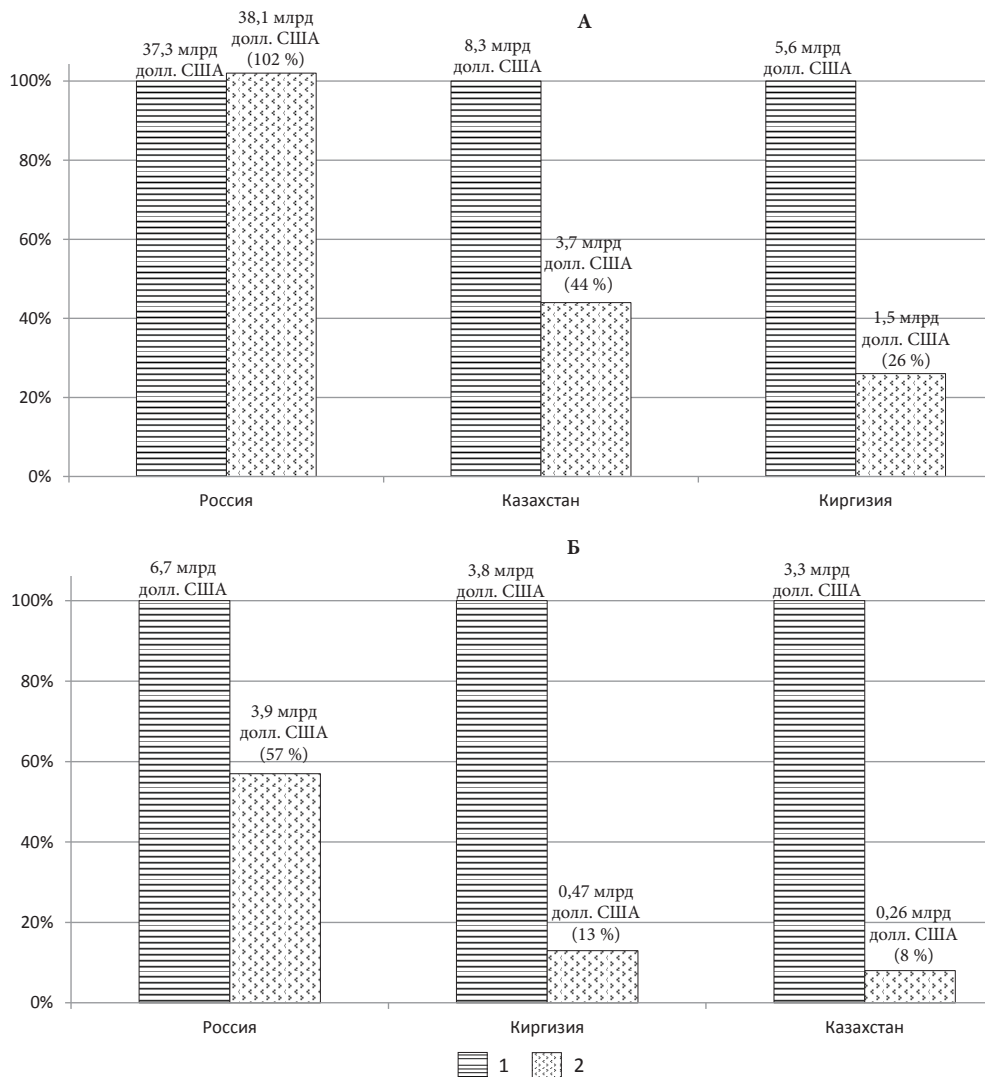

Рис. 7. Различия в данных таможенной статистики 2016 г. по экспорту КНР (1) с данными по импорту России, Казахстана и Киргизии (2): А – вся внешняя торговля, Б – торговля одеждой и обувью

¹² Детальные данные по внешней торговле Киргизии в открытом доступе не найдены.

В нашем случае в выигрыше оказались Казахстан и Киргизия, которые из-за менее эффективного по сравнению с Россией таможенного контроля стали привлекательны для недобросовестных компаний, «оптимизирующих» свои затраты при ввозе товаров из Китая на рынок ЕАЭС.

Таблица 8

**Сравнение средней стоимости ввозимых из КНР товаров
по данным российской и казахстанской таможен, долл. США/кг**

Товарная позиция по ТН ВЭД	Наименование	Средняя стоимость			
		при экспорте КНР в РФ	при импорте РФ из КНР	при экспорте КНР в РК	при импорте РК из КНР
4202	Дорожные принадлежности, сумки и аналогичные им товары	12,57	10,00	11,85	4,71
4303	Шубы из натурального меха	625,58	341,33	406,18	67,79
6110	Свитеры, пуловеры и др.	8,93	7,17	7,45	4,53
6201	Мужские пальто, куртки, плащи и др.	23,13	21,70	15,97	11,09
6202	Женские пальто, куртки, плащи и др.	49,38	21,75	15,59	6,92
6205	Рубашки мужские	6,19	6,00	4,59	2,22
6301	Одеяла, пледы дорожные	7,22	4,00	12,08	3,32
6402	Обувь	14,29	7,03	16,00	4,98

К основным получателям выгоды можно отнести местные компании-посредники, предоставляющие услуги по ввозу и таможенному оформлению товаров. Другой «выигравшей стороной» оказываются представители местной бюрократии, без пособничества которых ввоз товара по «серым схемам» невозможен. То есть, с одной стороны, коррумпированные чиновники получили доступ к большому объему товарных потоков и, следовательно, большие возможности использования функции регулирования как рычага для извлечения административной ренты; с другой стороны, они заинтересованы в сохранении этого рычага, а следовательно, будут противиться дальнейшей либерализации

трансграничного движения товаров (в случае которой они будут просто не нужны!).

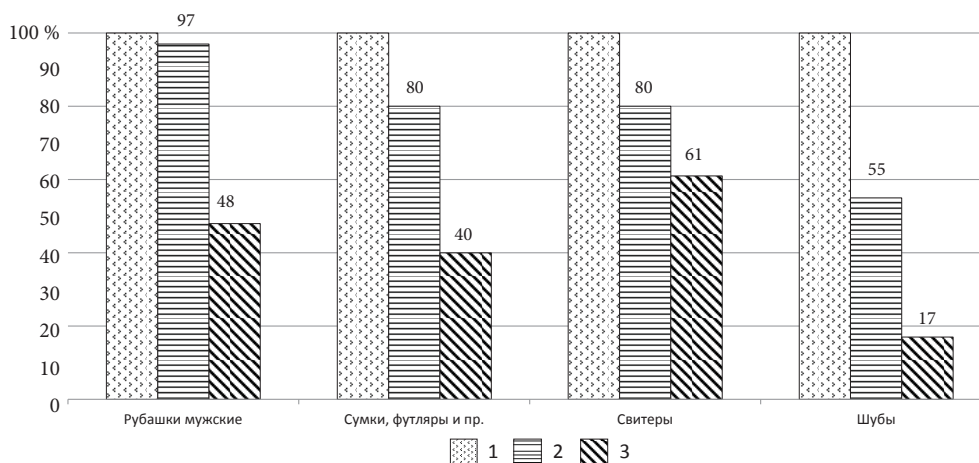

Рис. 8. Сравнение стоимости отдельных товаров при экспорте из КНР (1) и импорте в Россию (2) и Казахстан (3) в 2015 г.

Более того, учитывая крайне слабый уровень собственного производства в странах ЕАЭС и общественный запрос на протекционистские меры, которые, как полагает часть населения, позволят им сохранить рабочие места и расширить производство местных товаров, национальные элиты этих государств заинтересованы в восстановлении функций регулирования на национальном уровне, которые помогли бы минимизировать ущерб от свободного доступа товаров на рынки друг друга.

Так, в течение 2016 г. между Казахстаном и Киргизией по сути дела началась торговая война под лозунгами протекционизма. Были введены ограничения на перевозку товаров физлицами, появилась процедура заполнения транспортно-таможенных накладных, начали формировать автокараваны, которые идут по территории Казахстана с сопровождением от киргизской до российской границы [12].

При этом необходимо понимать, что экономики обеих стран все равно получают позитивные эффекты от задействования их транспортной инфраструктуры для перевозки транзитных грузов и от деятельности вышеупомянутых компаний-посредников. В наибольшем же проигрыше оказывается бюджет Российской Федерации, который несет стабильные финансовые потери в виде недобора таможенных пошлин и налогов.

Из-за того что функционирование единого таможенного пространства связано с увеличением товарных потоков, оформляющихся по «серым схемам», консолидированный бюджет стран только в 2016 кризисном году по предварительной

оценке может недосчитаться около 770 млн долл. США. Большая часть этих денег могла поступить в бюджет России (650 млн долл. США, или 85,3 2 %) ¹³.

При этом Россия ставит перед собой конкретные задачи по защите отечественных производителей и развитию импортозамещения, что проявляется в том числе в высоких ставках таможенных пошлин и более жестком таможенном контроле. Казахстан же, в свою очередь, более ориентирован на открытость и привлечение инвестиций [15], что стимулирует осуществление более мягкого режима перемещения товаров через границу.

На данном этапе Казахстан может извлекать выгоды от создания ЕАЭС в качестве посредника для выхода китайских товаров на российский рынок. А в будущем более либеральный режим и свободный доступ к российскому рынку товаров, произведенных в Казахстане, делает его привлекательным для притока внешних капиталов, направленных в развитие производства [17] и потенциально, наравне с Белоруссией, – главным выгодополучателем от функционирования ЕАЭС с позиций экономического прагматизма.

Россия же приобрела выгоды от доступа своей продукции на рынки соседних стран ценой конкретных убытков из-за недобора таможенных пошлин и ущерба от доступа на свою территорию контрабандной и нежелательной продукции. Особенно ярко это проявилось в ситуации с реэкспортом санкционных европейских продуктов из Белоруссии [20], наличие которого противоречит политике Москвы.

Иначе говоря, и у России, и у ее партнеров по Союзу хватает оснований быть недовольными результатами интеграции. Поддержка проекта ЕАЭС, которая оказывается на самом высшем уровне [9; 14; 16], и его творческое развитие до идеи Большой Евразии могут объясняться лишь наличием геополитических мотивов, связанных с укреплением связей республик бывшего Советского Союза с Россией и недопущением в них внешних игроков. При этом в политической риторике интеграционный дискурс продолжает сосуществовать с протекционистским, что указывает на популистский характер и того, и другого.

Итак, в результате проведенного анализа авторами установлено, что с момента образования единого таможенного пространства в 2010 г. отмечается резкое увеличение ввоза в Казахстан китайских товаров, предназначенных для российского рынка. После включения в ЕАЭС Киргизии наблюдается аналогичный процесс и на киргизско-китайской границе. Согласно полученным выводам, это является следствием того, что уровень таможенного администрирования

¹³ Подсчет производился на основе разницы в таможенной статистике внешней торговли исследуемых налогооблагаемых товаров Китая с Казахстаном и Киргизией. Разница между данными Китая по экспорту и указанными странами по импорту составила по итогам 2016 г. около 6,3 млрд долл. США. Полученную сумму умножили на среднеарифметическую ставку ввозных адвалорных таможенных пошлин по исследуемым товарам, равную 12,14 %. Объем недополученных платежей составил таким образом 770 млн долл. США, из которых к распределению в бюджет России, согласно соглашениям ЕАЭС, подлежит 85,32 % (650 млн долл. США).

в Казахстане и Киргизии ниже, чем в России, в результате чего увеличивается число возможностей для контрабандного ввоза товаров. Указанная тенденция выгодна недобросовестным грузоотправителям, а также посредникам и представителям коррумпированной местной бюрократии, непосредственно осуществляющим такие схемы. При этом бюджеты стран несут финансовые потери, а защитные меры для развития собственного производства (в данном случае в сфере легкой промышленности) становятся неэффективными на всем пространстве ЕАЭС.

В то же время вызовы, связанные с неконкурентностью местной продукции перед лицом импорта со стороны партнеров по ЕАЭС, увеличением пошлин на отдельные группы товаров, а также потерями для национальных бюджетов, ведут к росту недовольства результатами интеграции со стороны части населения, экспертного сообщества и некоторых представителей национальных элит. Это ставит под вопрос дальнейшее развитие проектов евразийской интеграции. И как уже отмечалось выше, изменения в динамике трансграничного движения товаров – это лишь один из многих аспектов проблемы, а ее комплексное изучение требует отдельной монографии.

В целом, несмотря на интеграционную риторику, национальные элиты стран ЕАЭС одновременно придерживаются консервативной повестки, направленной на защиту собственного производителя и сохранение суверенитета в полном объеме. Представители местных бюрократий также не заинтересованы в потере функций регулирования, позволяющих им извлекать из своего положения административную ренту. «Антиинтеграционных» взглядов придерживаются и широкие слои общества, а также несистемные политики¹⁴. Таким образом, несмотря на интеграционный дискурс, имеющийся в официальных документах и часто повторяющийся на различных экспертных площадках [2; 6; 20], потребность в реальной интеграции в странах ЕАЭС не выглядит очевидной.

Общий вывод, сделанный авторами касательно интеграции как таковой, заключается в том, что создание объединений с участием стран, находящихся на разных стадиях институционального развития и ставящих перед собой разные цели, приводит к результатам, которые противоречат целям создания таких объединений. В рассматриваемом случае целью создания ЕАЭС было образование общего рынка и развитие кооперационных связей между странами, что в конечном итоге должно было повысить их производственный потенциал. Однако на данный момент результаты в этом направлении не видны, зато существуют проблемы, связанные с угрозами как экономического, так и гуманитарного характера (контрабандный ввоз некачественной или вредной продукции), возникающими

¹⁴ Так, российский общественный деятель А. Навальный, заявивший о своем желании баллотироваться на пост Президента России, заявил о необходимости введения визового режима со странами Центральной Азии (например, см.: <https://navalny.com/t/92/>), что не только противоречит установкам ЕАЭС, но и вовсе перечеркивает все достижения постсоветской интеграции.

при передаче функций регулирования входящих товарных потоков странам с более низким уровнем развития институтов госвласти.

Сохранение интеграционного фасада при таких результатах, по нашему мнению, возможно только в случае наличия политической воли, объясняемой теми или иными запросами идеологии (в нашем случае – стремлением к восстановлению геополитического влияния России в границах, близких к границам СССР, а также созданием глобальных интеграционных объединений, альтернативных проектам Запада).

На уровне риторики поддержание такого «фасада» в популистских целях может продолжаться сколько угодно долго без видимых последствий. Однако попытка форсировать интеграцию в неподготовленных условиях приведет к негативным результатам. Как отмечает А. И. Суздальцев, «интеграция не терпит политической кампанейщины; это обоюдоострое оружие, способное принести как ощутимую пользу, так и тяжелые политико-экономические последствия, с которыми придется справляться ценой траты огромных ресурсов и политического кризиса» [19].

Поэтому, на наш взгляд, реальная интеграция в Большой Евразии, подразумевающая открытие границ для движения китайских товаров, ресурсов и капиталов, является делом весьма отдаленного будущего. Ее реализация возможна только при выполнении ряда условий, связанных с повышением качества государственного администрирования, совершенствования подходов к регулированию трансграничных процессов, а также развития отдельных конкурентных отраслей хозяйства, что позволило бы рассчитывать на существенные дивиденды для экономики и минимизировало бы вероятность ответной протекционистской реакции со стороны общества и национальных элит.

Список литературы

1. Баунов А. Г. Трамп в контексте. Почему выигрывают новые правые. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=67741> (дата обращения 03.03.17).
2. Бордачев Т. Новое евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-evraziistvo-17754> (дата обращения 09.03.17).
3. Воротилов А., Шагиев А. Кто стоит за переделом транзита грузов из КНР на \$1,2 млрд // Форбс. Казахстан. URL: https://forbes.kz/process/probing/kto_stoit_za_peredelom_tranzita_gruzov_iz_knr_obyemom_okolo_12_mlrd (дата обращения 03.03.17).
4. Зуенко И. Ю., Зубань С. В. Трансконтинентальный транзит Азия–Европа // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 7, т. 60. С. 70–76.
5. Каждый поезд из Китая в Европу получает правительственные субсидии, почти вся линия убыточна = 各路中欧班列靠政府补贴艰难维

生 几乎全线亏损 // Хуаньцюван. URL: <http://finance.huanqiu.com/roll/2015-09/7552303.html> (дата обращения. 03.03.17).

6. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М.: Научный эксперт, 2016. 130 с.

7. Ларин А. Г. К анализу сущности проекта ЭПШП и его сопряжения с ЕАЭС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. Т. 21. С. 138–149.

8. Ли Син. Экономический пояс Шелкового пути и Евразийский экономический союз: сравнительный анализ и перспективы сотрудничества = 李兴. 丝绸之路经济带与欧亚经济联盟: 比较分析与关系前景 // Чжунго гаосяо шэхуй кэсюэ. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotalGXLL201506007.htm> (дата обращения 03.03.17).

9. Лыков В. Александр Лукашенко: Цель ЕАЭС неизменна – создание полноценного общего рынка без ограничений. URL: http://www.postkomsg.com/actual_comment/208971/ (дата обращения 03.03.17).

10. Министр ЕЭК Тимур Сулейменов: «Интеграция не является самоцелью, она инструмент для обеспечения роста экономик стран-участниц и благосостояния их граждан». URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25_04_2016_1.aspx (дата обращения 03.03.17).

11. Никитина Ю. А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО. 2010. № 6. С. 134–140.

12. Налоговики Казахстана и Кыргызстана придумали способы борьбы с «несунами» // Sputnik. Кыргызстан. URL: <https://ru.sputnik.kg/asia/20151130/1020519711.html> (дата обращения 03.03.17).

13. Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. Петровского В. Е., Ларина А. Г., Сафроновой Е. И. М.: ДеЛи плюс, 2016. 234 с.

14. Обращение Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева к главам государств-членов Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-02-2016-2.aspx> (дата обращения 03.03.17).

15. Один пояс, один путь: ведущая стратегия внутренней и внешней политики Китая. М.: РИСИ, 2016. 430 с.

16. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума: стенограмма. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения 03.03.17).

17. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 31 января 2017 г. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-31-yanvara-2017-g (дата обращения 03.03.17).

18. Соломатина Е. А. К вопросу о понятии, сущности термина «интеграция» и анализ теорий его исследования // Человек. Общество. Инклюзия. 2011. № 1. С. 36–47.

19. Суздальцев А. И. Политика впереди экономики: риски и перспективы Таможенного союза ЕврАзЭС // Россия в глобальной политике. 2010. № 1. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_14564 (дата обращения 03.03.17).

20. Сутырин В. Пан или пропал? Что на самом деле происходит с Евразийским союзом // Евразия. Эксперт. URL: <http://eurasia.expert/inventarizatsiya-evraziyskogo-soyuza-glavnye-uspekhi-i-oshibki-2016-goda/> (дата обращения 03.03.17).

© Зуенко И. Ю., Зубань С. В., 2017

© Zuenko I. Yu., Zuban S. V., 2017

Для цитирования:

Зуенко И. Ю., Зубань С. В. Китай и ЕАЭС: динамика трансграничного движения товаров и будущее евразийской интеграции // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2(79). С. 5–24.